

Н. А. СЕЛУНСКАЯ

ИТАЛИЯ, НАРОД, КОММУНА В ТОТАЛИТАРНОМ ДИСКУРСЕ МЕДИЕВАЛИЗМА ДЖОАККИНО ВОЛЬПЕ И В. И. РУТЕНБУРГ*

Статья посвящена переключке тех актуализируемых образов прошлого, которые создавались в исторической науке Италии и России в периоды развития и господства тоталитарной идеологии. Однако речь не идет о простой связи между школами разных национальных историографий или прямом осознанном заимствовании, скорее, можно говорить об интеллектуальных параллелях.

Ключевые слова: историография, медиевистика, история концептов, интеллектуальная биография, научные школы, история Италии.

Создание представлений об исторической роли народа и развитие медиевистики тесно связаны. Эта тема может рассматриваться в двух проекциях: в контексте изучения национальной истории, с присущими ей националистическими мифами (на примере исторических исследований в Италии периода фашизма), и в контексте интернациональной марксистской исторической мысли в ее специфическом советском варианте. Известно, что периоды господства тоталитарной идеологии сами ее носители нередко называли победой истинной народной демократии. Исторические труды должны были отражать господствовавший миф о подлинно народной основе существующего государства, проецируя некоторые идеи псевдодемократического дискурса на прошлое.

Достаточно часто исследователи историографии фашистского периода указывают, что, согласно господствовавшей доктрине, формирование итальянской нации относили к отдаленному прошлому, например, к эпохе позднего средневековья¹. К мысли проследить идею континуитета «народа» от Средневековья к Новому времени подталкивает и сам термин *popolo* (*populus*), применявшийся в период существования средневековых коммун к основной массе членов этих городских общин. Неудивительно, что трактовки роли «народа» как актора истории создавались в фашистской Италии. Пронизывают они и работы по Средневековью и раннему Новому времени, и эта тенденция весьма примечательна. Но самое интересное, что идеи историков фашистского периода переключаются с некоторыми клише советской историографии, разработанными применительно к истории Италии, с общими интерпре-

---

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ (проект № 10–01–00403а).

¹ Clark. 1999. P. 189. https://catalyst.library.jhu.edu/catalog/bib_2058480

тациями народных движений кризисных эпох, и также, казалось бы, с совершенно сухими и академическими выкладками по частному вопросу о характере *conjuratio* в процессе развития средневековых общин.

Обычно мифы национальной истории не находят отклика у исследователей, этой идее непричастных, как и мифы одной идеологической системы не вписываются в другие идеологизированные картины мира. Но из этого правила есть, на первый взгляд странные, исключения. Тема средневековой коммуны стала ключевой и в исследованиях итальянской исторической школы, и опорным понятием в дискурсе марксизма, который искал своих предтеч не только в Парижской коммуне, но и в истории развития самоуправлявшихся городов-коммун средневековья.

В этой связи интересно выявить некоторые особенности концепций «Средневековья» и «Рисорджименто», разработанных известными медиевистами – Джоаккино Вольпе в Италии и В. И. Рутенбургом в СССР². Моя задача состоит не в том, чтобы изучить весь комплекс их исследований по истории Рисорджименто или Средневековья, а в том, чтобы провести анализ способов реконструирования этими учеными исторических объектов и определения ими акторов изучаемых процессов. Этот анализ предполагает также рассмотрение нескольких разноплановых контекстов: вопросы собственного дисциплинарного развития исторического знания, вопросы идеологического порядка, личностные характеристики двух избранных историков, живших в XX столетии – веке великих мистификаций и великих потрясений – и изучавших историю Италии в режиме большой длительности – начиная со времени Средневековья. Оба историка работали именно в те периоды, которые теперь расцениваются как время господства тоталитарной идеологии, однако, основными темами их изысканий были такие революционные, кризисные и динамичные сюжеты истории, как развитие городских общин, консолидация горожан в коммуны и приобретение этими коммунами самоуправления и публичных функций, еретические и народные движения в Средневековье и в период Возрождения, и наконец, Рисорджименто, понимаемое как социальное, политическое и культурное движение, несущее импульсы обновления, освобождения и объединения.

Думается, для каждого из названных историков определенную роль сыграл личный опыт участия в войнах, сопровождавшихся национально-патриотическим подъемом: для Вольпе это была Первая мировая война,

---

² Мне бы хотелось посвятить эту публикацию нескольким важным датам, совпавшим с моментом написания работы: в 2011 г. не только праздновался юбилей объединения Италии, но также отмечались памятные даты двух историков: сорок лет со дня кончины Дж. Вольпе и столетие со дня рождения В. И. Рутенбурга.

а для Рутенбурга – Вторая мировая, в годы которой он окончательно сформировался как личность. Вспомним, что согласно клише фашистской идеологии, после долгой предыстории, в том числе Рисорджименто и последующей утраты достижений этой эпохи, «народный дух» окончательно формируется во время Первой мировой войны. Иначе говоря, в этот период формируются идеологические стереотипы, связанные с понятием «народ», которые будут играть особую роль в идеологической базе итальянского фашизма. Относительно роли той части Второй мировой войны, которая получила название Великой Отечественной, можно сказать то же самое: идея народа и его исторической роли сформировалась в идеологическое клише советского дискурса именно в это время. Принятые как истины, идеологические установки, понятия и представления, начинают проецироваться тоталитарным дискурсом и в гипотетическое будущее, и в историческое прошлое.

Политические аспекты мировоззрения историков нельзя отделять от их исторических работ. Как от противного я отталкиваюсь от постановки вопроса П. Оперти. В предисловии к книге, объединившей разноплановые эссе Вольпе под названием *L'Italia che fu*, Оперти пишет: «мы не собираемся углублять обзор исторических работ Вольпе с конкретизацией исторической специализации Вольпе в области средневековой истории, истории коммун и народных движений и ересей. Все это не интересует публикатора, поскольку здесь речь пойдет о Вольпе как авторе политических идей»³. Я предлагаю принципиально иной подход: идеологические послышки историков в изучении Нового времени непосредственно связываются с их же концепциями средневековья. Медиовальные штудии нет причин рассматривать вне контекста политических воззрений двух ученых, хотя бы потому, что их исследования Средневековья были не менее тенденциозны, чем труды по истории Нового времени. В этой тенденциозности есть сила своеобразия, которая не воспринималась уже следующим поколением историков, затушевываясь при переизданиях, но не терялась окончательно: так было, например, при повторных публикациях работ Вольпе в послевоенную эпоху. Публикаторы в предисловиях, и даже путем некоторых изменений текста, снимали ощущение той тенденциозности, которой были наполнены работы Вольпе фашистского периода. Работы Рутенбурга пока не стали активно переиздаваться, но думается, также будут адаптированы и обезличены, ибо идеологическая составляющая исторических сочинений этих авторов была не навязанной извне идеей, но лично генерируемым кодом.

---

³ В оригинале фраза звучит даже более жестко: «non intendiamo di entrare nel discorso del Volpe storico... ci reportiamo del Volpe politico». *Volpe*. 1961. P. VII.

Предполагается на основе компаративного анализа показать некоторые параллели в содержании, особенности концепций двух историков разных стран, живших при различных тоталитарных режимах, и прояснить созданные ими нарративные модели. При этом я не хочу упускать из вида личностные особенности авторов, анализируя идеологические модели, примененные ими, поскольку эти историки как личности были не столько объектами давления со стороны идеологической системы, но, напротив, своими интеллектуальными творческими усилиями, эту систему идеологических координат задавали и поддерживали. Исторические сочинения двух ученых, получивших образование и школу подготовки в области изучения итальянского средневековья, естественно, не равны константам их мировоззрений и политических взглядов.

Итак, речь идет о выдающемся представителе итальянской фашистской историографии Вольпе и его прославленном советском коллеге, создавшем значительную школу русскоязычной итальянистики. О Вольпе, как и о Рутенбурге, можно судить как о прекрасных источникововедах и текстологах, но парадоксальным образом они были весьма тенденциозными историками (выражаясь языком другой эпохи, «идеологически выдержанными специалистами»); они работали с оригиналами источников, являлись публикаторами исторических свидетельств, но ощущали необходимость на базе этих свидетельств построить идеологический конструкт. В каждом труде они отвечали на вызовы современности; изучали отдаленное прошлое, одновременно создавая идеологически обоснованный интеллектуальный контекст современной эпохи.

Собственно сама личность крупного ученого и одновременно влиятельного проводника определенной идеологии, искренне преданного ей, – это и есть контекст реконструируемой эпохи. При изучении менее потестарных личностей, мы могли бы говорить о контексте эпохи, который надо учитывать при разборе исторических произведений ученых, в избранных же нами случаях речь идет о творцах идеологом, т.е. о людях, задававших интеллектуальную моду и дисциплинарный стандарт в том духе, который они считали идеологически верным. Именно поэтому при анализе исторических сочинений и концепций в данном случае необходимо «перейти на личности» их создателей.

Стоит задуматься и о таком парадоксе: в каком-то смысле об известных людях широко известно меньше, чем о лицах второстепенных, именно потому, что о главных героях как будто исчерпывающе сообщает обобщающая характеристика – энциклопедическая справка или определение: крупного ученого, идеолога и т.п. Это символы эпохи, люди выдающихся качеств, но именно роль символа и снимает индивидуаль-

ное своеобразие. Для персонажа второго плана в истории непременно найдутся мелкие штрихи к портрету, которые многое расскажут о личностных характеристиках, «героям» же полагаются монументальные формы, за которыми трудно разглядеть человеческие особенности и тем более слабости. Между тем, для анализа работы историка особенности личности и биографии важны не менее, чем знание о внутреннем мире и личностном типе писателя при анализе литературного произведения.

Начнем с биографии Джоаккино Вольпе: историк, идеолог и деятель итальянской культуры родился в небогатой буржуазной семье (отец был фармацевтом), и провел детство в провинциальных центрах: Паганика, Аквила, Сантарканджело ди Романья, Римини. Гимназическое образование он закончил в Римини, но затем удостоился чести стать учащимся одного из самых замечательных учебных заведений Италии – Scuola Normale в Пизе. Педагогическая карьера Вольпе связана с такими городами мирового значения как Милан и Рим, но сам процесс формирования Вольпе-историка проходил в Тоскане с ее богатыми архивами. Пизанская Нормальная Школа (проект образовательных инноваций наполеоновских времен) как учебное заведение уже была в почете ко времени поступления туда Вольпе и еще усилила свои позиции позже, как раз в годы фашистского режима. (Собственно, скромное определение *normale* следует понимать в смысле полномочий заведения устанавливать и продвигать культурные нормы и стандарты).

Наставником многообещающего студента становится Амадео Кривеллуччи, являвшийся признанным авторитетом для многих различных по убеждениям и стилю мышления интеллектуалов, в т.ч. Гаэтано Сальвемини и Джованни Джентили – оба признавали Кривеллуччи своим учителем. Интеллектуальная биография Вольпе пересекалась впоследствии и с творчеством Сальвемини, и с идеями и деятельностью Джентиле, с первым – в связи с дискуссиями по проблемам Юга Италии и с развитием экономико-юридического подхода к истории, со вторым – в связи с созданием интеллектуальной доктрины итальянского фашизма.

Мэтр Кривеллуччи был автором многих интересных работ по истории Тосканы, и не удивительно, что его ученик Вольпе начал свой путь в исторической науке с работ, посвященных институтам коммун Тосканы (в т.ч. Пизы), благо эти архивы находились под рукой. Роль детального освоения именно тосканского исторического материала чувствуется на протяжении всей карьеры Вольпе как историка. Забегая вперед, скажем, что этот «тосканский интерес» имел далеко идущие последствия. Да, именно Тоскана в позднее средневековье стала лидером экономического развития, в тосканских городских центрах попо-

ланство претендовало на совершенно независимую политическую роль и пришло к системе самоуправления в ряде городов в ходе напряженной борьбы с магнатами, что вызывало интерес историков и появление ярких фундированных работ, благодаря которым затем социально-экономические условия Тосканы воспринимались как особенность всей Италии. В этом есть и «вина» историка Вольпе.

Как в начале века (перед Первой мировой войной), так и в период между войнами, Вольпе много публикуется, выступая не только со статьями-исследованиями, но и с критикой работ коллег. Примечательна в этом ряду жесткая критика исследований медиевиста Габотто: его трактовка начального этапа формирования общины и коммуны представлялась Вольпе неверной, негативно оценивалась идея Габотто о приватном характере объединений, хотя именно такая трактовка считается в настоящее время более корректной среди медиевистов. Все множество аморфных средневековых объединений, Вольпе пытался привести к общему знаменателю – к той самой коммуне, которая в исторической перспективе играла роль «народа» в его идеологической системе представлений об истории. Это вольная трактовка Вольпе, однако имя Габотто совершенно забыто, а его критик остается классиком.

Вольпе стал и успешным педагогом. В 1906 г., очень быстро даже по меркам современной Италии, он поднимается на профессорскую кафедру в Милане (*Accademia scientifico-letteraria*). Этот пост мечтал занять и Сальвемини, будущий идеолог интеллектуалов-антифашистов, увлеченный в то время сходными исследовательскими сюжетами, но проиграл Вольпе по квалификации, по мнению авторитетной ученой комиссии. При этом профиль Вольпе меняется: его предмет теперь *storia moderna* – Новая история. Другой важной позицией была кафедра в Риме, которую Вольпе занимал с 1924 по 1940 г.⁴ (окончательно он оставил педагогическую деятельность только после Второй Мировой войны). На протяжении карьеры менялись не только интересы, но и взгляды ученого, при том в очень широком диапазоне – от либеральных до монархических, национал-патриотических, наконец, фашистских.

В самые начальные годы фашистского режима Вольпе занял активную политическую позицию, став депутатом парламента 1924 г. и подписав Манифест фашистских интеллектуалов в 1925 г. Вольпе также становится Генеральным секретарем Итальянской Академии. Он проводил четкую идеологическую линию в своей работе историка, например, во влиятельной Энциклопедии, будучи бессменным директором отдела

---

⁴ В 1920-х, уже при новом режиме, труды Вольпе по медиевистике, написанные в начале века тиражировались снова – под нейтральным названием *Medio evo*.

по подготовке разделов энциклопедии по истории Средневековья и Нового времени (работа шла в 1929-34 гг., но этот многотомный труд используется до сих пор). Он активно участвовал в формировании фашистского дискурса, например, в создании к 1925 г. манифеста фашистских интеллектуалов (добавим: немногих интеллектуалов), поставивших свои подписи под документом *Manifesto degli intellettuali fascisti*. Это был период «войны манифестов», момент жесткой идеологической борьбы, в которой выковывались моральные и интеллектуальные стандарты, и более того, формировался определенный *habitus* для нескольких поколений. Участие Вольпе в формировании фашистской идеологии было активным и в исторический момент подписания конкордата с Ватиканом (суть соглашения – реституция национализированных богатств католической церкви и признание ее господствующего положения и статуса государственной религии), и при вступлении Италии в войну в союзе с нацистской Германией. Все это время фашистский дискурс, не существовавший до прихода Муссолини к власти, развивался, в том числе и благодаря историческим и публицистическим работам Вольпе.

Не странно ли, что прекрасно образованный, приученный к архивной работе питомец Высшей Нормальной Школы, автор трудов о средневековых общинах, становится пропагандистом и творцом весьма тенденциозного дискурса? Только на первый взгляд. Источниковые данные могут извлекаться историками технически безупречно, но не восприниматься как самодостаточный результат научной работы. Естественно и стремление к созданию широкого нарратива, рамочной конструкции, картины мира. С другой стороны, детализация, взятая как риторический прием, способствует убедительности восприятия, даже при тенденциозном описании. То, что называется фактами, такие же конструкты, как и макросхемы исторического описания. Построение микродеталей описания происходит таким же образом, как и создание глобальных описательных и объяснительных моделей, а восприятие точно так же зависит от господствующих в сознании общих мест.

Одним из основных мифов XIX века стал «народный характер», мотив исторической роли нации, понимаемой как действующий организм. Эта антропоморфная метафора под расплывчатым определением «народ» действует и в работах фашистских историков, и в трудах историков советского времени, в том числе в исследованиях, обращенных к отдаленному прошлому, в котором идеи народности и национальные идеи еще не были изобретены, а, напротив, практиковалась жесткая статусная стратификация. Кроме того, и в тех и в других работах прослеживаются способы ре-актуализации истории отдаленного прошлого, в силу

включения всего этого прошлого в систему тотального объяснения истории как поступательно развивающегося единого процесса. Объединить такие нестыкующиеся половинки истории как средневековый полицентризм и разновекторно направленные народные и еретические движения с частью истории объединения, централизации и упорядочивания социальных сил мог только дополнительный логический ход, особый вседуший актер, обеспечивающий континуитет истории – народ, предтеча класса-гегемона или нации-гегемона. Как концепт класса, так и концепт нации/расы при необходимости мимикрировал в расплывчатое наименование «народ». Именно в этой перспективе следует рассматривать то, что политически и социально ангажированный Вольпе не был забыт с изменением идеологического климата, не остался в «своем» времени, но продолжал существовать в интеллектуальной традиции и даже экспортировался в иные культурные среды – почитался западными левыми историками 1960-х гг. и советскими итальянистами, которыми рассматривался как представитель близкой ему в молодые годы либеральной школы экономико-юридических исследований. Но и в Италии его причисляют к школе своеобразного либерального марксизма⁵.

Согласно рассуждениям П. Бурдьё, история интеллектуальной и художественной жизни может быть понята как история изменений функций и институций по производству символической продукции, что соотносится с постепенным становлением интеллектуального и художественного поля, как история автономизации собственно культурных отношений производства, обращения и потребления⁶. Одной из важнейших тем является воспроизводство символических ценностей, связанных с тем или иным мифом национальной истории. В случаях, наиболее показательных для национальных историографий рубежа XIX–XX вв., речь идет о символической продукции и структуре воспроизводства мифологизированного капитала, который принимал формы «научного» дискурса: понятийного языка позитивизма или некоторых либеральных разновидностей марксизма. Когда Вольпе заканчивал ученичество и вступал в академическую жизнь, в Италии активно работало целое поколение талантливых ученых, близких по духу, направленности и стилю исследований – это Сальвемини, Вольпе, Родолико (Rodolico), Анцилотти (Anzillotti), Пальмарокки (Palmarocchi), Шипа (Schipa),

---

⁵ Сайт Soprintendenza archivistica per l'Emilia-Romagna называет Вольпе одним из представителей экономико-юридической школы, развившейся под влиянием марксизма: «uno de principali esponenti della cosiddetta scuola economico-giuridica, chesotto l'influenza del marxismo...» <http://www.sa-ero.archivi.beniculturali.it/index.php?id=707>

⁶ Бурдьё. 1993.

Каджезе (Caggese); их совокупно определяют как особую экономико-юридическую школу. Принято говорить, что ключевую роль в тот момент в развитии национальной школы историографии играли вопросы истории средневековья, прежде всего вопрос об общине (коммуне) как основе социального развития итальянских земель, а также тренд экономико-юридических исследований. Это отчасти верно. Однако надо учесть два момента. Эта школа (точнее – интеллектуальное движение) представляла собой группу интеллектуалов, не связанную строгими иерархическими отношениями, связи в ней были горизонтальными, а не вертикальными. Второе важное замечание: представители этой школы Вольпе и Ромоло Каджезе, став позднее видными представителями фашистской идеологии, заняли особое статусное положение, которое позволило им возвести дискурс экономико-юридических исследований в ранг господствующего. В фашистской историографии сохранялись мотивы исследования народных движений, ересей, коммунальной революции, переустройства средневекового общества в противостоянии городских общин и феодальной системы, сеньориальных структур.

Именно такая предыстория показывает, почему и как в русле развития идеологически чуждых друг другу школ исторической мысли (например, либерально-марксистской и фашистской, фашистской и советской) формировались сходные идеи восприятия «народа» и проекции этого концепта в глубь веков. Более того, некоторым образом логично задаться вопросом о возможных интеллектуальных параллелях, о связях между подходами к изучению новых классов XIV–XV вв., появившихся на сцене итальянской истории, и анализом новых социальных сил эпохи Рисорджименто как звеньями одной цепи в восприятии и Вольпе, и Рутенбурга, с точки зрения тоталитарной идеологии истории.

Вопрос о кризисах исторической эпохи ярко показывает проявления кризиса в методологических подходах историков и является весьма показательным для раскрытия и определения образа науки, того или иного периода, поэтому данный аспект заслуживает особого внимания.

Вольпе взялся за создание концепции Рисорджименто, глобально-го описания-объяснения эпохи становления нации, в которую историк, сформировавшийся как медиевист, внес проблему «корней» и континуитета. Современная историография повсеместно в Европе считает этот континуитет ложным, но в популистском дискурсе такая точка зрения продолжает существовать. С другой стороны, Вольпе проанализировал комплекс международных отношений как важный фактор дела Рисорджименто, что не было очевидным для многих его предшественников и современников. Однако если концепции средневековья в ин-

терпретации Вольпе прочно вошли в историю науки, то, к сожалению, комплекс его воззрений относительно Рисорджименто рисковал остаться вовсе не известным, тираж сочинения Вольпе уничтожался как приверженцами республики Сало, так и победившим антифашистским режимом. В первом случае: причиной ненависти бывших соратников стало то, что историк, видя крушение фашистской системы, стал склоняться к высокой оценке роли монархии в истории, памятуя о своих юношеских монархических взглядах. Во втором случае – концепция Рисорджименто в трактовке Вольпе искоренялась, поскольку сочинения по новой истории в исполнении интеллектуала фашистского времени казались более опасными и вредными, чем его же средневековые штудии.

Почему по окончании господства фашистской идеологии на работы Вольпе, ассоциирующиеся с интеллектуальной поддержкой режима, не было наложено вето? Отчасти – поскольку они обладали самостоятельным и ценным контентом, отчасти потому, что сразу после краха фашистского режима Вольпе вернулся к истории Средневековья, и эта тема получила признание в период послевоенного восстановления Италии. Естественно, средневековые сюжеты в освещении Вольпе носили отпечаток прежних наработок, проделанных в либеральном ключе, и, кроме того, поддерживали своим патриотическим пафосом моральный дух итальянцев, учащейся молодежи, которая, в отличие от немецкой, не была ориентирована на идеалы покаяния и самоотрицания.

Кроме того, за свою долгую жизнь Вольпе сумел увидеть циклическое повторение ряда идейных тенденций, по счастливому совпадению время работало на мэтра, а не против него. Актуально для эпохи фашизма сформулированные темы и подходы к истории, в частности интерес к народным движениям, реактуализировались в совершенно иной среде и времени, в ходе студенческих и левых движений 1960-х гг. Этот труд Вольпе, сфокусированный на изучении еретических (по сути, диссидентских движений, или, по крайней мере, истолкованных в либеральном ключе) и исполненный с блеском и широким охватом материала, стал подлинным бестселлером: он переиздавался 7 раз с 1920-х по 1990-е, но особенно интенсивно в 1970-е гг. Таким образом, изучение Вольпе роли молодежи в динамике социальных процессов и истории средневековых еретических народных течений может интерпретироваться, если не как предсказание молодежных движений XX века, то как путеводная звезда в изучении этих социальных феноменов.

Теперь рассмотрим знаковую фигуру советского ученого В. И. Рутенбурга, 100-летие которого было бы отмечено с куда большей пышностью, если бы не политические события, произошедшие в стране сра-

зу после смерти историка. Он воспитывался в семье преподавателей (языков и математики). Лингвистические способности и знание языков привели к одному из ранних и, как оказалось, опасных интеллектуальных увлечений – будущий историк, уже поступивший в университет северной столицы, стал страстным почитателем эсперанто. Когда эта культурная практика подверглась репрессиям, как почти все интересные ответвления культуры эпохи мечтаний о мировом единстве народов, студент, уже сотворивший сам для себя имя Рутенбург, от которого он впредь не откажется, был брошен за решетку. Спасло лишь то, что при допросах его дух не был сломлен, и он не подписал признательных показаний. После освобождения он смог окончить учебу, поступил в аспирантуру и начал архивные исследования на базе ЛОИИ, располагавшего интересной итальянской коллекцией. Война прервала эти штудии на долгие годы, аспирантура была закончена только в 1948 г., а вплоть до 1946 г. Рутенбург находился в армии, получив награды за храбрость и окончив войну исполняющим обязанности начальника штаба полка – небывалый взлет военной карьеры для молодого человека, предназначенного для деятельности кабинетного ученого. Рутенбург, несмотря на интерес к филологии и архивным исследованиям, к истории отдаленного прошлого, был деятелем по натуре, человеком, которому был близок идеал гражданского гуманизма Возрождения или гражданская активность человека эпохи Рисорджименто (идея *vita attiva*), а отнюдь не созерцательная жизнь в тиши библиотек. Однако по окончании войны, несмотря на заманчивые предложения продолжения военной карьеры, Рутенбург мечтал лишь о науке и, после ходатайства заведующего кафедрой истории средних веков итальяниста М. А. Гуковского, он возвращается к занятиям историей. Человек, недавно практически единолично командовавший полком, снова становится аспирантом. Рутенбург также получает работу при ЛОИИ; на основе исследований материалов этого архива формулировались наиболее прорывные темы ученого, публиковались документы. Думается, что навыки архивиста позволили ему войти в круг итальянских медиевистов, знатоков архивного дела, уже в период первой научной командировки в Италию в 1956 г. и в дальнейшем быть принятым в итальянские научные ассоциации Лигурии и Тосканы – объединения специалистов архивных исследований, в т.ч. архива Генуи и архива Датини уже в 1970-е гг. Точно так же и работы итальянских историков экономико-юридической школы, а затем представителей фашистской историографии – Каджезе и Вольпе – находились в библиотеках СССР, поскольку они открывали пласт исследований архивных материалов, необходимых итальянисту. Хотя Вольпе

был жив и продолжал публиковаться в то время, когда для советского историка Рутенбурга открылась возможность работы в архивах Италии и выступлений на научных форумах, их личные контакты, разумеется, противоречили идеологическим установкам. Однако круг левых историков 1960-х принял Рутенбурга, и именно ему, иностранцу, были доверены средневековые страницы истории в новой многотомной «Истории Италии», грандиозном проекте, сопоставимом с энциклопедическим проектом фашистского времени, курировавшимся Вольпе.

Нельзя не заметить параллели в работах советского и итальянского историков, такие темы как: новационные черты итальянской городской коммуны, организации средневекового ремесленного производства, торговли и банковского дела в Тоскане. Институты городской коммуны и еретические движения, как мы помним, входили в область научных интересов Вольпе в ранний период. На эти труды Рутенбург смело ссылается и вводит некоторые из них в научный обиход советских ученых. Разумеется, он делал это, отдавая Вольпе дань как источниковеду, но, кроме того, Рутенбурга не могла не привлечь попытка его итальянского коллеги объединить в рамках целостной объяснительной модели ход истории итальянских земель от средних веков до объединения Италии. Развитие полицентризма как стадия на пути движения к единому государству не могло не стать общей проблемой осмысления обоих историков. Развитие коммун и народные движения как важнейшие характеристики развертывания исторического процесса в целом был склонен выделять как Вольпе, так и Рутенбург, придя к сходным выводам независимым путем, в частности, в акцентировании новационного характера коммуны, борьбы внутри коммуны и борьбы с сеньорами.

В советской историографии, в первую очередь благодаря разработкам Рутенбурга, в употреблении источниками названий *comunia*, *comune* видели не просто новый юридический термин для обозначения общины, но качественно новое явление социально-политического развития: акцентировалась борьба за коммуну, а не преемственность ее генезиса, и сами термины *coniuratio*, *juramentum*, сопровождающие первые документальные свидетельства появления коммуны, истолковывались в данном ключе. Хотя в принципе мог быть подчеркнут мотив частного договора, оставалась и возможность выделять момент публичности, политического обновления. Рутенбург прямо указывал, что «торжественный момент перехода власти из рук феодального сеньора в руки города отмечали клятвой *coniuratio*»⁷. Как и в произведениях европейских историков начала прошлого века, речь шла о переломном моменте развития

---

⁷ Рутенбург. 1965. С. 8.

общины, а первоначальный этап ее развития (этап *conjuratio*) связывался с обретением этим объединением публичных функций. И, следовательно, уже в силу этого нового качества о плавной линии преемственности не могло быть и речи. Однако при этом никак не доказывается, что время объединения соседей с помощью договора круговой поруки и есть переход к коммуне, что частный характер договора становится непременно публичным. В этом вопросе Рутенбург гораздо ближе итальянским предшественникам экономическо-юридической школы начала века, с которыми ассоциировалось имя Вольпе в его молодые годы, а не своим современникам, итальянским историкам начала 1970-х гг., пришедшим к выводу о преобладании частного характера этих объединений. Историки склада Вольпе и Рутенбурга хотели видеть в конституировании коммун некий подготовительный процесс включения народа в дело управления, которое будет им реализовано в Новое время, причем Вольпе понимал «народ» достаточно расплывчато, а советский историк приближал это понятие к понятию «класс». Однако ни тот, ни другой при создании концепций нисколько не ослабляют стандарт работы с первоисточниками, не теряют навыков источниковедов и исследователей казусов, они просто вписывают эти казусы в особый контекст, конструируемый на основе собственной идеологии. Обе составляющие личности мне кажутся равнозначными для достижения высокого статуса – и уверенное владение техническими навыками, и креативность и харизматичность историка играют равнозначимую роль, в разных обстоятельствах более выигрышным становится либо одно, либо другое умение.

В то же время сказывалось и влияние идеологической доминанты: работы советского историка могли импонировать левым послевоенным интеллектуалам по причине моды на марксизм, а стремление прославлять свободу народа, данную в ее исторических корнях (одновременно с воспеванием определенной личности-выразителя чаяний народа), представленное, например, в произведениях Вольпе, пререкликалось с идеологическим заказом, сформулированным советской эпохой.

Ключевую роль мог сыграть и фактор личностных предпочтений, интеллектуальной биографии ученого. Возможно, рано проявившийся интерес Рутенбурга к филологии и языкознанию привел позднее к тому, что в разрабатываемых до 1980-х гг. концепциях Рисорджименто и Возрождения немалая роль была отведена вопросам языка, а не только экономическим предпосылкам и политической борьбе эпохи. Интересно, что Рутенбург, как и Вольпе, уделял в концепции Рисорджименто особую роль историческим и культурным предпосылкам, а также контексту международной обстановки и европейской политики.

Итак, Вольпе и Рутенбург, авторы трудов об эпохах Средневековья и Рисорджименто, являлись создателями сходной концепции истории – истории как единого целого, как планомерного выражения народного духа или как логики развития классово-борьбы. Неудивительно поэтому, что в их глазах эпохи Средних веков и Нового времени были взаимосвязанными и нуждались в тотальном объяснении, реконструкции отсутствующих видимым образом связей между этими эпохами. При этом наличие цезуры или упадка не вписывалось в такое идеальное прогрессивное развитие, поэтому мотивы регресса и упадка, хотя и признавались как отдельные явления, но снимались на уровне синтеза частных случаев, что позволяло проецировать отдельные положительные импульсы на всю картину исторического развития в целом.

Средневековье, таким образом, несло в зародыше потенциал будущего объединения, и в каждом свершении и народном движении прошлого эти историки видели дух далекого Рисорджименто. Рисорджименто же являлось логическим продолжением лучших устремлений Средневековья и Ренессанса, всех экономических, политических и культурных свершений прошлого (а не только победой Савойской династии). Разработанная в данном ключе концепция Средневековья – это своего рода модернизация, а концепция Рисорджименто, напротив, исторична. Ведь в первом случае некоторые проявления средневековой жизни рассматривались как имеющие ценность для будущего, во втором же случае анализировались корни явлений эпохи Нового времени, но, возможно, долго зревшие в предшествовавший период. Идол происхождения часто не давал покоя историкам, но далеко не всем историкам Рисорджименто и даже не всем его свидетелям, импонировала идея предопределенности Рисорджименто. В принципе в Италии была сильна линия изучения отдельных политических личностей и роли королевской династии свершивших невозможное, а не попытка описать новый этап развития Италии как логическое следствие предшествующей истории Европы. Акцентируя историко-политические предпосылки Рисорджименто, Вольпе стал ближе позднейшим советским интерпретаторам эпохи, чем к традиции итальянской историографии.

Медиевисты Вольпе и Рутенбург, обращаясь к истории Нового времени, одновременно конструировали концепцию Средневековья, исходили из существования неких исконных исторических импульсов, которые стали основой движения, приведшего к объединению Италии. И наоборот, конструируя образ эпохи, когда это изменение произошло, они использовали проекции своих медиевальных штудий, рассматривая Средневековье как нечто нацеленное в будущее, а не самодостаточное.

Оба историка искали предпосылки Рисорджименто, причем у советского ученого этот поиск перерос в стремление отрицать кризис и стагнацию в итальянской истории. По его мнению, любое попятное движение находило компенсацию в других сферах развития, и суммарный импульс не терялся. По разным причинам – националистической гордости или необходимости подвести исторический процесс под стандарты сменяемых формаций, но оба историка создавали научно-исторические нарративы прогрессивного развития и роли народа как его творца, склоняясь к антропоморфной метафоре в описании актора истории.

Вольпе и Рутенбург не могут быть описаны как жертвы или даже пассивные проводники влияния того политического режима, при котором осуществлялась их карьера. Они – не просто кабинетные ученые, а деятели в прямом смысле: оба отважно принимали участие в военных действиях, а также были борцами «идеологического фронта»: они не просто восприняли идеологию, но и творили ее как интеллектуальное обеспечение определенного режима. Прекрасные источниковеды, знатоки казусов, они, однако, не могли быть лишь приверженцами логики источника – идеи, провозглашенной в 1970-е гг. Ученые такого интеллектуального и идейного склада, какими были Вольпе и Рутенбург, сыны своих героических эпох, должны были вести за собой читателя, убеждая и разубеждая, вскрывать корни явлений, анализировать частное и конкретное – но параллельно и мифологизировать результаты, подчинять разрозненные казусы общему идеологическому ориентиру.

Оба историка оказали влияние на процессы взаимопроникновения интеллектуальных традиций двух стран, способствовали ознакомлению с принципами изучения истории в рамках основных школ историографии, с доминирующими проблемами и линиями развития исследований зарубежных коллег. Можно сказать, что работа над сходной проблематикой способствовала сближению исторических школ России и Италии или, по крайней мере, большему их взаимопониманию. Однако необходимо объяснить и саму эту общность интересов. Вполне обоснованным будет констатировать, что близость идей двух не взаимодействовавших прямо интеллектуалов из России и Италии, не стала случайностью, но была предопределена общими идеологическими основами.

Интеллектуальная составляющая дискурса итальянского фашизма создавалась буквально с нуля уже после прихода Муссолини к власти. Среди политиков-практиков не нашлось таких, которые стали бы теоретиками и творцами идеологических манифестов, и к созданию нового дискурса подключились историки, не просто знакомые с модным в начале века вульгарным марксизмом, но сформировавшиеся под влиянием

такого рода историзма. При фашистском режиме этот интеллектуальный субстрат эволюционировал, формально порвав с левой идеологией, но не исчезал полностью. С другой стороны, классический марксизм активно перерабатывался в советской науке, постоянно декларирующей верность марксизму, отнюдь не всегда ее соблюдая. Отсюда сходство идейных установок историков двух стран. При этом отметим, что глобальная идеологическая задача парадоксальным образом не препятствовала кропотливому изучению казусов истории, источниковедческой работе.

Очевидно, что в советской и фашистской историографии было подспудно принято общее представление о связности исторического процесса и об итальянском пополанстве как движущей силе истории. Их концепции отдельных исторических эпох были частями общего плана объяснения истории, при котором особую роль играл «народ» (в т.ч. в феномене народной коммуны). Мне кажется, речь идет о крупном, не разработанном на материале медиевистики блоке вопросов: об общих корнях различных национальных школ при формально враждующих идеологических системах, о сходстве и различии историографических мифов фашистской национальной истории с мифотворчеством марксизма при создании образа истории и образа средневековой коммуны.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бурдьё П.* Рынок символической продукции // Вопросы социологии. 1993. № 1/2.
- Рутенбург В. И.* Истоки Рисорджименто: Италия в XVII-XVIII вв. Л., 1980.
- Рутенбург В. И.* Италия и Европа накануне нового времени. Л., 1974.
- Рутенбург В. И.* Итальянский город от раннего Средневековья до Возрождения. Л., 1987.
- Рутенбург В. И.* Итальянские коммуны. Л., 1965.
- Рутенбург В. И.* Кампанелла. Л., 1956.
- Рутенбург В. И.* Народные движения в городах Италии. XIV - начало XV в. Л., 1958.
- Рутенбург В. И.* Титаны Возрождения. Л., 1986.
- Рутенбург В. И.* Титаны Возрождения. СПб., 1991.
- Селунская Н. А.* Пройденный путь идей: век Джоаккино Вольпе // Диалог со временем. 2011. Вып. 36. С. 403-423.
- Clark M.* Gioacchino Volpe and fascist historiography in Italy // Writing National Histories: Western Europe Since 1800 / Ed. by K. Passmore, M. Donovan, S. Berger. N.Y.: Taylor & Francis, 1999.
- Volpe G.* Il popolo italiano nella Grande Guerra (1915-1916). Roma, 1998.
- Volpe G.* L'Italia che fu. Milano 1961.
- Volpe G.* Il Medioevo. Firenze: Vallecchi, 1927 [ripubblicato da Sansoni nel 1958].
- Volpe G.* Medio Evo italiano. Firenze: Vallecchi, 1923. [переиздание – Laterza, 2003].
- Volpe G.* Movimenti religiosi e sette ereticali nella società medievale italiana: secoli 11.-14. Firenze: Vallecchi, 1922 (2a ed. 1926) [послевоенные переиздания: Sansoni 1961, 1971, 1972, 1977; Roma Donzelli 1997].

Селунская Надежда Андреевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; *spesbona@mail.ru*